

III руд. - 1991 - 16 мая - с. 6

КУЛЬТУРА

КИНОРЫНОК: КТО ВЫЖИВЕТ?

Продолжаем дискуссию о проблемах современного отечественного кино, начатую актрисой Еленой Драпеко («Серое на белом», 7 марта с. г.). Сегодня наш собеседник — режиссер кино и театра **Юлий ГУСМАН**.

— Один из наших писателей в одной из своих статей заявил, что такого понятия, как советская литература, вообще не существует, что она политизирована, насковоз пропитана соцреализмом. И на этой основе создавались ложные произведения. Есть ли такое понятие, как советское кино, в мировом кинематографе или это тоже продукт соцреализма?

— Я надеюсь, что такое понятие есть. И хотя советское кино на разных этапах истории развивалось очень по-разному, волнообразно, и между «Брошеносцем «Потемкиным» и «Маленькой Верой» пролегал целая эпоха, я убежден, что наше кино прожило эти годы не впустую. В этой вере меня уверждают, скажем, победы советского кино, реальные, честные победы на открытом рынке киноискусства, убеждают работы Андрея Тарковского и других наших великих режиссеров.

Но сегодня кино находится на распутье. Мы ничего не можем делать на уровне современного звука, света, пленки, изображения. Это технологический тупик. Другая проблема — в идеологической сумятице. Потеряв «поводырей», сняв различные табу, мы взамен приобрели пока только голые груди, плохих каскадеров, беспомощные самостоятельные студии. Экспериментальное кино по-прежнему имеет успех на престижных фестивалях, но его не смотрят зрители. Между тем «Оскар», например, вручается, как правило, фильмам не только высокохудожественным, но тем, которые пользуются гигантской популярностью. Например, последний фильм Кевена Костера «Танцы с волками». Мне повезло, я эту картину видел в Америке осенью прошлого года. Тогда она еще не имела никаких «Оскаров». Мои друзья, высокопоставленные представители Смитсоновского института, сказали: давай пойдем на этот фильм. Три часа двадцать минут, эпос про индейцев на языке индейцев с титрами. Я приготовился тихо спать в углу. В этом же кинотеатре в шести залах шли фильмы, которые я хотел посмотреть гораздо больше: «Рокки-4», «Крепкий орешек-2»... Во-первых, удивило, что все шесть залов, в которых шло сверхкоммерческое кино, были практически пусты. А лента «Танцы с волками» вечером в будний день на окраине Вашингтона шла в почти переполненном зале, с молодежью, хру-

стящей кукурузой. Фильм произвел сильнейшее впечатление, ошеломляющее, это прекрасное произведение художественного кинематографа и одновременно великолепное зрелище. Вот этого мы никогда не умели.

Когда Станислав Говорухин забил тревогу по поводу отсутствия развлекательного кино, его дружно оплевали. Вышло так, что Говорухин и здесь оказался правдивцем, потому что, как выяснилось, у нас не такие уж большие достижения в элитарном и совсем нет достижений в «нормальном» кинематографе. И все-таки рейтинг советских режиссеров очень высок на Западе. Сейчас во Франции успешно идет фильм Лунгина «Такси-блюз», хотя, к сожалению, проваливается в прокате прекрасный фильм Виталия Каневского «Замри—умри—воскреси». Но никто там не относится к нашему кино свысока.

Затяжная рофеевым дискуссия — она больше для эпатажа публики, потому что всем очевидно, что есть и советское кино, и советская литература. Есть Окуджава и Искандер, Битов и Грант Матевосян, Ибрагимбековы и Быков... Но трагично, конечно, что столько сил, таланта было брошено в толку создания ангажированного искусства. Трагично, что в плане технологии мы отстали от всего мира. Многие наши только потому и не могут работать в Голливуде. Один лишь Андрон Кончаловский смог там снимать картины, не уступая в профессионализме.

— Однако один из «своих» последних театральных спектаклей вы поставили в Америке. Какова там кинематографическая ситуация? Кино на подъеме? Умирает?

— На мой взгляд, кино в Америке находится на фантастическом подъеме. Кино на Западе — товар, в Америке — товар в квадрате. Кино, которое не продается, никому не нужно. Фильмы приносят сотни миллионов долларов, а это заставляет пошевеливаться, действовать, выдумывать. Да, у них кинотеатры не переполнены, но и не должно быть этого. Это у нас они некогда были переполнены, ввиду отсутствия иных развлечений. Кинотеатры в Америке пережили, можно сказать, революцию. Еще не так давно ходить в кино было непристойно, оно считалось плебейским местом отдыха. И страшно, и нужды не было — 50 каналов телевидения. И тогда рынок за-

ставил кинопрокат перестраиваться на показ такого зрелища, которое нельзя воссоздать по видео, дома. Ты платишь пять—семь долларов, весьма большие деньги, но получаешь за это фантастическое зрелище. Потом, у тебя огромный выбор: в кинотеатре, как правило, три—пять—семь залов. Кинематографу пришлось раскошелиться и создать новые технологии, чтобы получить отдачу. У нас же до сегодняшнего дня можно снять картину за 200 тысяч рублей. А средний бюджет фильма в Голливуде — 27 миллионов долларов. Мы же пытаемся, ничего не вкладывая, получать прибыль. А результат — распад кинематографа, отток зрителей.

Советское кино никто не смотрит. Даниил Дандурей на последнем пленуме нашего Союза привел чудовищные, невероятные факты: лишь в двух-трех залах в Москве в это время шли советские фильмы. Наши фильмы не конкурентоспособны, как и наши кинотеатры.

— А Тарковский был бы возможен на развитом американском кинорынке?

— По-моему, там представлены все краски. Только Сокуров, мне кажется, там невозможен, потому что художественные фильмы Сокурова — эксперимент для любителей эксперимента. А Тарковский — без сомнения. Кстати, он и шел в Америке и сейчас идет в Европе. Суть в том, что любой сильный, опытный продюсер, который заботится о своей репутации, старается делать не только фильмы «фор сейл» — «для продажи», но и фильмы, работающие на его авторитет.

— Государство какое-то участие принимает в кинобизнесе?

— Нет, это целиком частный бизнес. Но государство может помочь какой-то школе, поддержать небольшой эксперимент.

— Общественные организации, фонды — помогают кино?

— В Америке, замечу для начала, хоть и не скучаются на пожертвования, но считают, что самостоятельный человек должен сам себя обеспечить. У нас бегут в профком, когда надо разводиться с мужем, а там как-то не принято обращаться со своими проблемами к общественности.

В кино помогают кому? Студентам, начинающим экспериментаторам, мультипликаторам, документалистам, научно-популярному кино. То же самое и в театре. Я работал в детском театре Далласа. Это абсолютно не коммерческая структура. Продаются билеты, но главная задача художественного руководителя — выбивать у спонсоров деньги. Актеры получают гроши, режиссер за постановку получает тысячу долла-

ров, что меньше, чем месячная зарплата мусорщика. Я как-то на репетиции увидел, что актеры мои зевают, и подумал: какой же я бездарный, если не сумел их увлечь. А оказалось, зевают они потому, что все подрабатывают официантами, где-то еще. Провинциальный театр себя не окупает. Американцы решили проблемы дорог, магазинов, обучения, проблемы религиозные. Осталась проблема культуры. Но и она, уверен, будет решена. Такой подход, наверное, правильный, потому что наши разговоры о духовности на фоне пустых магазинов отдают не духовностью, а просто наивностью.

— Переход к рынку необходим, спору нет. Но при этом повороте на обочине окажутся десятки, если не сотни актеров, режиссеров, других «киношников».

— Эту проблему нужно решать обязательно. Я опять вернусь к американскому кино, где такая проблема тоже существует. И в этом случае на помощь как раз приходят различные фонды, спонсоры. Там человек, избравший судьбу актера, знает, что он рискует, но рискует во имя искусства. Он будет получать гораздо меньше, чем, допустим, компьютерщик, но будет заниматься любимым делом — с надеждой выбиться в суперзвезды. Что касается нашей страны, то государство, переходя к рынку, обязано создать структуры, те же фонды, которые помогут пережить людям временные неудачи.

Сегодня мы снимаем примерно 400 фильмов. Снимает кто угодно — сотни самостоятельных студий, частники. Откуда-то нашлись пленка, аппаратура. И все старается собрать побыстрей урожай с этого поля, которое скоро вообще перестанет что-то родить. Так мы неизбежно придем к тому, что советское кино исчезнет. Будут ходить в двух-трех режиссеров, пять актеров и на всякую развлекательную макулатуру, которая пойдет по пути дальнейшей ужесточения насилия, оголения таза и грудей актрис. Нормально, переболев этой болезнью, цивилизованное общество обычно выходит на новый виток.

Приведу пример — сексуальную революцию на Западе. В конце шестидесятых во Франции, в Швеции был ее пик. Творилось нечто несусветное. Все говорили только об этом. Но перехорвали, и сейчас общество возвращается к вечным нравственным ценностям, близким к пуританским. В Америке не увидишь того, что у нас по телевидению показывают крупным планом. Правда, есть зланные места, но это строго ограниченные резерва-

ции, где пасутся некоторые туристы — импотенты и старички. Но чтобы во всех переходах торговали полупорнухой — быть такого не может. И в то же время никакая президентская комиссия этого не оставит. Надо переболеть. Тут один путь — нравственная культура, духовное возрождение, бытовая культура.

На сегодняшний же день смотреть, конечно, грустно. Под видом гласности зачастую процветают ангажированность и вопиющая безответственность. Скажем, на днях в телепрограмме «Х», которую вел некий С. Шумаков, прозвучали нелепые обвинения в адрес Союза кинематографистов СССР. Я понимаю, можно не любить этот союз, но врать-то зачем? Под видом возвышения нравственности решаются, по-моему, совсем другие задачи. Приведу пример. Я за то, чтобы церковь была активна. Но почти нигде в цивилизованном мире церковь так не вовлечена в дела государства, ее представители не подписывают писем Президенту. Верить в Бога — это прекрасно, но это всегда интимный процесс, процесс общения человека с Богом. А у нас сегодня беспрерывно по всем программам появляются деятели церкви. Сегодня я вижу надпись «С президентом ласхи» там, где висела недавно «Слава КПСС»... Мне кажется, больше всего нам нужны спокойствие, здравый смысл и отсутствие гордыни. И не стоит все время говорить, что у нас свой особый путь...

— Действительно, получается особый: все живут, как люди, а мы...

— Все такие интервью кончаются фразой: «Я оптимист». Так вот я — абсолютный оптимист, потому что магистральный путь человечества выверен, человечество живет неплохо. Сохранились проблемы рождения, смерти, любви, болезней, разводов, потери близких. Но проблемы куска колбасы, колготок и рубашек сняты у большинства цивилизованного населения мира. Они остались только в нескольких странах, к сожалению, мы принадлежим к их числу.

— А как жить сейчас, сегодня? Раньше был застой, но и был Тарковский. Сейчас надо ждать, пока появится богатый человек, который станет финансировать и коммерческое кино, и того же Тарковского?

— Да, но он неизбежно появится. Даже коммерческий «Форафильм» финансирует высокохудожественные картины. Хорошее кино нельзя будет заменить никакими подделками. Год-два, и люди насытятся видом оголенных женщин. Начнут отличать, где истинное искусство, а где — способ вызвать легкое сиюминутное возбуждение с целью наживы. Даже в пещерах люди творили искусство. Будут творить и сейчас — надо только им помочь. Государство призвано помочь, все общество.

Вел беседу
В. КОНСТАНТИНОВ.